

Почившій Архіепископъ Японскій Никслай ¹⁾.

I.

Великій миссіонеръ и апостоль покинулъ то прище, на которомъ онъ трудился въ теченіе пятидесяти одного года и получилъ небесную награду за поразительную и сердечную работу на Господина своего, Котораго онъ такъ сильно любилъ. Хотя прошло уже тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я былъ его сосѣдомъ въ Токио, тѣмъ не менѣе притягательная сила его магнетизма и до сихъ поръ не покидаетъ меня.

Николай былъ посвященъ около 1859 года въ Россіи и былъ отправленъ въ Хакодате, въ Иезо, въ 1861 году, въ качествѣ священника при консульствѣ. Это было еще за два года до открытія, въ силу договоровъ, нѣкоторыхъ портовъ, включая и Хакодате, а потому онъ не могъ посвятить себя служенію лишь немногимъ русскимъ морякамъ и купцамъ. Но онъ немедленно же принялся за ученіе японскаго языка, а для того, чтобы ознакомиться съ религіями японцевъ, — онъ прожилъ нѣкоторое время въ буддійскомъ монастырѣ,

¹⁾ Беремъ изъ англ. журн. „Церковное Время“ (The Church Times) отъ 2—15 и 9—22 марта с. г. прекрасную статью виднаго англиканскаго священника, бывшаго миссіонера въ Японіи, В. Б. Райта и письмо по поводу этой статьи нашего глубокочтимаго соотечественника, профессора Н. В. Орлова.

онъ оставался въ Японіи до тѣхъ поръ, пока въ 1872 г. японское посольство не было отправлено за границу; тогда же возвратился и онъ въ Россію и, благодаря его усерднымъ стараніямъ, образовано было православное миссіонерское общество, составленъ былъ фондъ и онъ отправленъ былъ обратно уже въ санѣ архимандрита, въ сопровожденіи нѣсколькихъ помощниковъ. Въ долгие годы проживанія своего въ Хакодате онъ успѣлъ пріобрѣсти обращенцевъ, хотя смертный приговоръ угрожалъ всякому, кто бы осмѣлился принять христіанство, да были покушенія и на жизнь самого миссіонера. Оставивъ одного изъ своихъ сотрудниковъ въ Хакодате, онъ самъ перебрался въ 1873 году въ Токио, гдѣ не задолго передъ тѣмъ была учреждена русская миссія, священникомъ которой онъ и былъ назначенъ.

По случаю пріѣзда Великаго Князя Алексѣя въ 1873 году, японскому правительству было адресовано ходатайство объ отводѣ дома и земли на Суруга-Дай, возвышенномъ холмѣ въ центрѣ города, откуда открывается прекрасный видъ во все стороны. Здѣсь Николай устроилъ коллегію для студентовъ, а потомъ и соборъ и превратилъ ихъ въ центральный пунктъ своей дѣятельности. Онъ былъ болѣе 6 футовъ ростомъ, съ длинными волосами и бородою, чрезвычайно эвергиченъ въ пріемахъ и движеніяхъ и поразительно широко въ своихъ симпатіяхъ и цѣляхъ.

Около 1880 года онъ еще разъ отправился въ Россію и былъ посвященъ во епископа Ревельскаго не существующей болѣе лютеранской епархіи, доходы которой были переведены ему. Между тѣмъ, благодаря его рвенію и ревности, цѣлыя тысячи обращенцевъ были пріобрѣтены по всему острову Хондо, въ осо-

бенности же на Сепдаѣ. На японскій языкъ были переведены литургія и множество катихизисовъ и другихъ книгъ, и нѣсколько сотъ обращенцевъ сдѣлались сами огласителями.

Въ 1873 году я съ товарищемъ, покойнымъ архидіакономъ То, пріѣхалъ въ Токио, и съ самаго момента нашего прибытія Николай принялъ насъ самымъ братскимъ и дружескимъ образомъ, съ каковымъ онъ продолжалъ съ тѣхъ поръ всегда относиться къ епископамъ и клиру иного исповѣданія.

Епископъ Николай говорилъ хорошо по-англійски, самъ же заставлялъ и всѣхъ своихъ сотрудниковъ изучать этотъ языкъ. Тѣ изъ нихъ, которые еще не успѣвали изучить его, разговаривали съ нами по-японски. Съ теченіемъ времени знатокъ-регентъ, котораго преосвященный привезъ съ собою, обучилъ такъ хорошо молодыхъ обращенцевъ, что литургія совершалась прекрасно. Богослуженія были для всѣхъ открыты, какъ для христіанъ, такъ и для язычниковъ.

Когда я однажды спросилъ его, — почему русская церковь удалилась въ этомъ отношеніи отъ древнихъ канонровъ, — то онъ отвѣтилъ мнѣ, что, когда московскіе послы прибыли въ Константинополь, чтобы рѣшить, къ какой церкви имъ слѣдуетъ обратиться за миссіонерами, — присутствованіе при великолѣпныхъ церемоніяхъ въ соборѣ св. Софіи рѣшило ихъ выборъ, и съ тѣхъ поръ въ Россіи врата церковныя остаются открытыми для всѣхъ во время совершенія литургіи.

Нѣсколько лѣтъ послѣ переѣзда его въ Токио, къ нему обратились съ просьбою произнести надгробную рѣчь на могилѣ г. Кидо, правительственнаго чиновника и великаго реформатора. Съ нимъ случилось, кро-

мѣ того, то же, что приключилось и со мною въ началѣ 70 годовъ. Вооруженные двумя мечами воспитанники его возмутились и не выпускали его цѣлыхъ два дня, такъ что только благодаря проявленію рѣдкаго такта ему удалось уговорить ихъ. Еще разъ случилось, что во время обѣдни украденъ былъ зонтикъ. Николай возвѣстилъ съ амвона, что будетъ продолжать всю молитву и не покинетъ алтаря, пока зонтикъ не будетъ принесенъ обратно. Спустя нѣкоторое время воръ выступилъ впередъ, публично исповѣдалъ свой грѣхъ и возвратилъ зонтикъ его владѣльцу.

Въ день бракосочетанія герцога Эдинбургскаго съ русскою Великою Княгиней Николай пригласилъ насъ съ коллегою То отобѣдать съ нимъ и его сотрудниками. По этому случаю нами высказано было немало взаимныхъ благожеланій нашимъ народностямъ и церквамъ. Скоро послѣ того онъ просилъ меня заказать для него, чрезъ посредство хорошо извѣстнаго букиниста г. Вестеля, большое количество лучшихъ англійскихъ переводовъ твореній свв. отцовъ, равно какъ образцовыхъ англійскихъ комментаторовъ и церковныхъ историковъ, а когда въ 1882 году я самъ покидалъ Японію, то онъ зашелъ и купилъ у меня значительное количество лучшихъ моихъ книгъ, включая и «Толкованіе на Священное Писаніе» Корнилія и Липида. Именно послѣ того какъ каноникъ Лиддонъ узналъ, что въ Японіи есть русская православная миссія, онъ сталъ особенно побуждать меня къ тому, чтобы я совершалъ крещеніе обращенцевъ съ погруженіемъ. Я такъ и дѣлалъ, чѣмъ Николай былъ весьма доволенъ. Я часто хаживалъ слушать его проповѣдь на японскомъ языкѣ. Онъ совершенно свободно говорилъ, и въ

своихъ увѣщаніяхъ и наставленіяхъ строго держался Евангелія. Когда въ 1881 г. я устроилъ церковь въ центрѣ Токио и собирался освятить ее, то Николай обѣщалъ присутствовать при этомъ. Но увы! - Изъ Петербурга пришла телеграмма съ извѣстіемъ, что именно въ тотъ день былъ убитъ Императоръ Александръ II, и преосвященный прислалъ записку, чтобы извинить свое отсутствіе, зато послѣ онъ неоднократно присутствовалъ при англиканскихъ богослуженіяхъ.

Однажды, когда мы заговорили съ нимъ о лингвистическихъ способностяхъ британскаго консульскаго чиновника В. Г. Астона и его полезныхъ книгахъ по грамматикѣ, и я замѣтилъ, какъ бы хотѣлось мнѣ, чтобы онъ не былъ унитаріантомъ, — «да», возразилъ преосвященный, «и мнѣ тоже пріятно было бы это; но вѣдь онъ такой добросовѣстный и хорошій человекъ и - чего добраго можетъ быть онъ окажется въ болѣе высокомъ мѣстѣ на небѣ, чѣмъ какого мы въ состояніи будемъ добратся». У преосвященнаго было много опытности въ бесѣдахъ съ японцами, которыхъ беспокоила участь ихъ языческихъ почившихъ родителей и предковъ. «Разрѣшили ли вы имъ молиться за нихъ?» спрашивалъ я, «Конечно, да» отвѣчалъ онъ. «Я говорилъ имъ, что они должны молиться за нихъ. Мало того», говорилъ я имъ, «было бы неестественно не молиться».

Когда началась война между Россіей и Японіей, архіепископъ, какимъ онъ слѣдался къ тому времени, былъ единственнымъ русскимъ, которому было разрѣшено оставаться въ странѣ. Онъ обратился къ членамъ православной японской церкви съ воззваніемъ, въ которомъ убѣждалъ ихъ, что они должны бороться за свое отечество, но не должны забывать молиться за

ихъ мать — церковь, научившую ихъ пути ко спасенію Тихо проводилъ онъ время въ своемъ домѣ въ продолженіе войны, сокрушаясь, конечно, о плачевной распрѣ, и будучи охраняемъ военнымъ карауломъ отъ опасныхъ фанатиковъ.

Остается надѣяться, что какое-нибудь компетентное лицо возьмется за составленіе жизнеописанія этого блестящаго миссіонера, который на прошлой недѣлѣ, на 75 году отъ рожденія, скончался въ Теукаджскомъ госпиталѣ, гдѣ прежде проживали въ Токио иностранцы, оплакиваемый рѣшительно всѣми японцами, какъ христіанами, такъ и нехристіанами. Недавно получилъ я письмо отъ Токійскаго архидіакона Кинча съ извѣстіемъ, что Архіепископъ Николай поступилъ очень больнымъ въ госпиталь и что докторъ опасается за исходъ. Поистинѣ я никогда не въ состояніи забыть эту замѣчательную, любящую, начальственную личность, которою Богъ надѣлилъ Японію.

Когда я уѣзжалъ изъ Токио, Архіепископъ подарилъ мнѣ небольшую икону и свою фотографію съ подобающими надписями.

В. Полль Райтъ.

II.

Редактору Церковнаго Времени (The Church Times).

Милостивый Государь!

Въ вашемъ журналѣ за 15 число я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ и признательностію симпатичную статью г. В. Полла Райта касательно почившаго Архіепископа Японскаго Николая.

Поддерживая автора во всемъ, что онъ писалъ о симпатіяхъ и терпимости, я желалъ бы, съ вашего позволенія, сдѣлать лишь одну поправку, такъ какъ она

касается самой характерной черты усопшаго преосвященнаго. Его Высокопреосвященство не оставался въ госпиталѣ до своей смерти. Узнавъ 12 февраля отъ доктора, что онъ можетъ прожить никакъ не болѣе двухъ недѣль, Владыка немедленно началъ настаивать на томъ, чтобы ему дозволено было вернуться домой, объясняя, что у него остается еще слишкомъ много дѣла въ этомъ мѣрѣ. Нѣкоторое улучшение въ его положеніи дѣйствительно обнаружилось и онъ окончилъ переводъ, которымъ былъ занятъ передъ болѣзнію. Далѣе, онъ настоялъ на томъ, что самъ перепишетъ, и дѣйствительно собственноручно переписалъ одинъ экземпляръ для Святѣйшаго Синода годичнаго отчета о состояніи своей миссіи, и такимъ образомъ, повидимому, ускорилъ свою кончину, 16 числа, и переходъ въ другой мѣрѣ—мѣсто столь заслуженнаго имъ покоя.

Эти свѣдѣнія заимствованы изъ официальнаго источника. А теперь перейду къ моей признательности.

Будучи ближайшимъ соотечественникомъ Архіепископа, я не только учился всего лишь на 8 лѣтъ позже, въ тѣхъ же школахъ, но въ Вѣломѣ проживалъ даже на той же самой квартирѣ, гдѣ хозяйка не переставала указывать въ Иванѣ Касаткинѣ (имя и фамилія Владыки до принятія имъ монашества) примѣръ для подражанія, а затѣмъ въ Смоленскѣ и С.-Петербургѣ. Въ 1880 году я имѣлъ, наконецъ, счастье лично позвѣдѣть о свѣтителѣ, когда онъ былъ проездомъ въ С.-Петербургѣ въ Лондонѣ и былъ посвященъ во епископа. Въ силу его нарочитаго желанія, тогда же высказаннаго имъ мнѣ, я не переставалъ пересылать ему всѣ переводы съ русскаго на англійскій языкъ. Такимъ образомъ я оказался получателемъ нѣсколькихъ драго-

цѣнныхъ писемъ, включая и то, въ которомъ Владыка сообщалъ мнѣ какую большую пользу принесла ему моя «Праздничная Минея», когда онъ переводилъ на японскій языкъ ту же книгу съ славянскаго и греческаго.

Съ трепетнымъ ожиданіемъ я также раздѣляю надежду г. Райта на то, что найдется какое-нибудь компетентное лицо, которое напишетъ жизнеописаніе «этого блестящаго миссіонера».

Н. Орловъ.

Русскій профессоръ при Лондонскомъ университетѣ.